

Александр ТИХОНОВ

ТАРА: НАВСТРЕЧУ ИСТОРИИ

Пожалуй, трудно найти в Сибири город, чья судьба была бы одновременно столь яркой и столь трагичной, как судьба города Тары, основанного в 1594 г. московским князем Андреем Елецким для защиты русских земель от набегов кочевников. История города — зеркало, а легенды — амальгама зеркала, которая и дает нам возможность всмотреться и почувствовать глубину веков...

Город-твердыня

Царским наказом Андрею Елецкому с отрядом служилых казаков было велено «идти город ставить вверх Иртыша на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтоб пашню завести и Кучума царя истеснить и соль завести...»

Вот только местность, куда предписывалось прибыть Елецкому, оказалась крайне неудачной для заведения пашни и постройки крепости. Вопреки наказу царя, руководствуясь здравым смыслом, князь принял решение поставить город в более выигрышном месте, на берегу реки Аркарки, назвав его Тарой.

Как показали столетия бурной истории, выбор был сделан верный. Расположенная в стратегически правильном месте, на протяжении многих лет Тара отбивала набеги из сопредельных земель, став костью в горле для пограничных оседлых и кочевых народов.

Немало ходит легенд и досужих домыслов о том, существовал ли город в устье Тары. Чтобы выяснить это, на месте, где изначально планировалось строить крепость, в устье реки, были начаты археологические изыскания. Города там не нашли, однако в середине 90-х гг. прошлого века экспедиция под руководством омского историка Игоря Скандакова обнаружила в семи километрах от села Усть-Тара необычные курганы. Черепа захороненных там людей повергли опытных археологов в шок: они были яйцеобразной формы, вытянутые. Историки и археологи, любители мистики и конспирологии — заинтересовались все, о «яйцеголовых» не рассуждал разве что ленивый.

Начали появляться версии одна фантастичнее другой. По одной из них в курганах покоились гуманоиды, по другой — представители древней расы. Ученые расставили все на свои места, заявив, что людям искусственно меняли форму черепа, крепко перетягивая головы младенцев тканью в области висков. Теменная и затылочная части, таким образом, росли активнее. В семи из восьми обнаруженных захоронений были найдены останки женщин, и появилось предположение, что погребенные были жрицами, которых с младенчества готовили к некоей миссии, сжимая черепа для лучшего «ментального контакта» с потусторонним миром.

В районе урочища Мурлы было обнаружено свыше полудюжины мест, в разные времена использовавшихся местными жителями в качестве святилищ.

А вот в историческом центре археологи с каждым годом углубляются в культурный слой, с которым по сохранности может соперничать разве что Новгород. Раскопки в Таре начались сравнительно недавно — в 2007 г., а уже два археологических сезона спустя, в 2009-м, было обнаружено множество поразительных находок. Среди них большое количество кожаной обуви, датируемой XVII—XVIII веками и детская свистулька, в целости и сохранности пролежавшая в земле как минимум три века. Свистулька, к слову, и по сей день способна издавать трели. Найдены и курительные трубки. На вопросы горожан о том, что курили в Таре, археологи после недолгой заминки ответили: возможно, даже опиум, попадавший в Тару по Великому шелковому пути из Китая.

Уникальной находкой стал серебряный перстень с вставкой из плавленого янтаря. На перстне ученые обнаружили фамильный герб с латинскими буквами LW. Предполагается, что украшение принадлежало знатному поляку и было изготовлено в восемнадцатом веке. Однако находятся люди, готовые поверить, что хозяин перстня попал в Тару вместе с Андреем Елецким, прибывшим закладывать город. Еще столетие — и эта история вполне может стать легендой...

В раскопах, подтверждая ратное прошлое Тары, каждый год обнаруживаются остатки сгоревших изб разных веков, ядра и пули, основания крепостных башен. Одной из уникальных находок стала восьмигранная башня-раскат. Согласно первому описанию Тары, сделанному в 1624 г. Василием Тырковым, «шесть башен — две глухие и четыре с проезжими воротами — высились между крепостных стен острога. В состав стены внутри крепости входило пять башен и одна передвижная восьмигранная башня-раскат». Археологи предполагали, что обнаружили именно восьмерик с раскатом — верхней площадкой. С этой площадки пушки тарского гарнизона палили по отрядам Кучума и по осаждавшим город калмыкам. В пороховом дыму и грохоте город не покорился никому, отбивая набеги многократно превосходящих сил противника. Православные считают, что Тару с момента ее основания оберегает икона Тихвинской Божией Матери, по легенде принесенная строителями Тары и бесследно исчезнувшая после революции.

Славу городу принес воевода Андрей Воейков, который 20 августа 1598 г., совершив восьмисоткилометровый бросок из Тары, обрушился с отрядом на полевую ставку Кучума, наголову разбив войска сибирского хана. Кучум бежал с поля боя, а русские погнались следом, да только хитрый лис сумел спастись. Жизнь сохранил, но потерял авторитет среди кочевых и оседлых племен Западной Сибири, которые спешно присягнули русскому царю.

В сражении у реки Ирмени тарчане отомстили за Ермака, добившись ошеломительного военного успеха. На месте сражения, недалеко от села Новопичугова Новосибирской области, до сей поры рассказывают легенду о синем коне. Якобы поздним вечером, когда над окрестностями стелется густой туман, с Обского моря (Новосибирское водохранилище) долетают звуки страшной битвы: грохот орудий, звон и лязг металла, леденящие кровь крики и ржание лошадей. А потом появляется синяя полупрозрачная фигура лошади. Она пронесится галопом, разрывая вязкий туман, срывая листву с деревьев. Безумный синий конь без седока, мчащийся прочь от страшной битвы.

У Алексея Константиновича Толстого в драме «Царь Борис» на первых же страницах появляются не иноземные послы или придворные, а прибывший к царю воевода Воейков. Он молвит:

Великий царь! Господь тебя услышал:
Твои враги разбиты в пух и прах!
Воейков я, твой Тарский воевода,
Тебе привезший радостную весть,
Что хан Кучум, свирепый царь сибирский,
На Русь восстать дерзнувший мятежом,
Бежал от нас в кровопролитной битве
И пал от рук ногайских мурз. Сибирь,
Твоей опять покорная державе,
Тебе навек всецело бьет челом!

Нам никогда не узнать, действительно ли Андрея Воейкова, героя своей эпохи, царь принимал раньше, чем иноземных послов, однако хочется в это верить.

В фундаментальном труде «История государства Российского» Николай Михайлович Карамзин писал: «Град Тарский служит неодолимой твердыней от всяких бывших кучумских гнусников». Так начала греметь по стране слава героического города, и Тару стали ассоциировать с воинской доблестью и негиблемостью духа.

Порой в иных газетных статьях, где нынешняя Тара показывается неприглядной и едва ли не отсталой, можно прочесть, что само слово «тара» тюркского происхождения и означает «болотистое, низменное место». Удобный довод для тех, кто привык искать в сибирском городе лишь негативное. «Тару назвали в честь болота», — самодовольно замечают они, не удосужившись заглянуть в топонимический словарь. А в словаре черным по белому значится, что, если и произошло название от тюркского «тар» (что не обязательно истинно — народов и наречий в здешних краях было намешано много), само слово «тар» значит «узкий» и относится к реке Таре, врезанной своим узким руслом в плоскость ландшафта. А «низкое, топкое место» именуется в тюркском языке «багно».

Однако есть еще одна, мистическая версия. Якобы река, а затем и город получили свое название в честь буддийской богини Тары. Проштудировав индийские предания, приверженцы этой легенды уверяют, что Рама привел собственный народ на полуостров Индостан с территории Западной Сибири, где в глубокой древности стоял храм Ханумана. Мало того, жрецы Ханумана владели магическим кристаллом, что был ниспослан им из космоса. Кристалл способствовал духовному возвышению человечества.

В последние годы все больше приверженцев этой теории приезжают на берег реки Тары, в деревню Окунево Муромцевского района, где, по их мнению, сконцентрирована мистическая сила кристалла.

Город бунтовщиков

Жизнь легендарного города менялась с невообразимой быстротой. Границы русского государства сдвигались на восток, и прежде находившаяся на переднем крае обороны, выдержавшая множество осад Тарская крепость осталась в тылу. Население искало себя в торговле и промыслах. В 1599 г. неподалеку от Тары была заведена первая в Сибири «государева десятинная пашня», Тара активно снабжала солью население Западной Сибири, добывалась пушнина.

Так продолжалось до 1722 г., когда Петр I издал указ, согласно которому правящий император отныне мог по своей воле назначать наследника престола, преемника. Всех подданных надлежало немедленно привести к присяге еще не названному наследнику. По всей стране, то тут, то там, начали вспыхивать локальные бунты и волнения.

Вскоре новость о предстоящей присяге дошла до старообрядческих скитов, а оттуда, значительно дополненная, ставшая пугающим предзнаменованием бедствий, добралась до Тары. Возможно, это случилось прежде, чем пришло официальное указание из Тобольска.

Старообрядцы уверяли, что присягать неназванному наследнику — все равно что верить себя тому, кто не имеет имени, не называет себя, а значит, присягать предлагается Антихристу. Испуганные такими умозаключениями тарчане присягать отказались. В отличие от большинства волнений этого периода протест поддержали и представители власти, уверенные в незыблемости авторитета старообрядцев.

Весть о назревающем бунте не на шутку встревожила Петра. Он усмотрел в тарском неповиновении угрозу устоям царской власти. Для усмирения бунта из Тобольска выдвинулся военный отряд из двух пехотных полков и двухсот татарских конников при поддержке артиллерии. Карательный рейд возглавил полковник Батасов, который 14 июня 1722 г., к полнейшей неожиданности жителей Тары, ворвался в город.

Историк Петр Словцов позже писал о происходящем: *«До тысячи человек, в деле замешанных, казнено. Не одна будто бы тысяча разослана по Сибири. По всем дорогам, выходящим из Тары, стоят большие деревянные кресты, по словам жителей, для молебствий, по словам же других, для поминаний казней, тут свершившихся».*

Зачинщиков сажали на кол, обезглавливали, четвертовали. Такая участь была уготована более чем семистам жителям мятежного города. Рядовых участников бунта наказывали ударами кнута. Сотня ударов — мужчине, пятьдесят — женщине, после чего приводили полуживых тарчан к присяге и отправляли на вечную каторгу.

Далеким и страшным эхом Тарского бунта стали десятки самосожжений жителей скитов, в результате которых гибло иногда до шестисот человек. Историки замечают, что и много лет спустя в числе поджигателей бунтов были беглецы из Тары. Искры этого пожара позже помогли разгореться пугачевщине.

После смерти Петра I и восшествия на престол Екатерины I Сенат объявил амнистию оставшимся в живых участникам бунта, однако тобольские власти еще усерднее принялись искать и наказывать бунтовщиков. Преследование продолжалось и десятилетие спустя.

Говорят, что бунтовщики, казненные в Таре, похоронены на небольшом островке на реке Аркарке. Священнослужители и краеведы утверждают, что нужно как можно скорее отыскать останки людей, закопанных без надгробий. Некоторые уверяют, что в городе все «не слава богу» исключительно потому, что город проклят, пока не упокоены участники бунта. В том, что останки земляков необходимо отыскать и достойно перезахоронить, согласны все. Ранним утром, когда над Аркаркой рассеивается туман, можно увидеть, как ползут по речной глади тени от растущих на островке деревьев. Люди поговаривают, что это тянут руки к берегу жертвы бунта, да все никак не могут дотянуться. Вот уже триста лет...

Неуважительное отношение к памяти предков — одна из бед ныне живущих поколений. Например, заросший деревьями, мрачный парк на окраине, называемый Комсомольским парком, когда-то был старейшим в городе Тихвинским кладбищем. Веками на нем хоронили жителей Тары. Старики рассказывали краеведам, что лично видели каменные надгробия, семейные склепы богатейших купцов Сибири. Однако в советское время кладбище сровняли с землей, а местные жители растащили могильные плиты для хозяйственных нужд. Десятилетиями находили надгробия то в качестве фундамента крыльца, то вместо груза при засолке капусты в объемистых кадках. Жуткий, иррациональный разрыв с родовыми корнями и нравственными ориентирами.

Лишь в 2016 г. в парке начали проводить регулярные субботники, а краеведы, заручившись поддержкой археологов, отыскивали фундамент Тихвинской кладбищенской церкви, поставили на ее месте деревянный крест и создали мемориальный комплекс.

После Тарского бунта ратные подвиги тарчан старательно вымарывались из победной летописи государства, богатая и трагическая история ждала своего часа, чтобы открыться далекому потомкам.

За какие-нибудь 10—15 лет Тара начала превращаться в ничем не примечательный провинциальный городок. Однако проложенный через город участок Московско-Сибирского тракта вновь вернул Тару в число значимых торговых и транспортных центров. Начало богатеть местное купечество. В 1782 г. Тара стала уездным городом Тобольской губернии, а в 1785 г. город высочайше пожалован гербом.

Город на тракте

Московско-Сибирский тракт — самая длинная дорога на земном шаре, тянувшаяся от Москвы до Тихого океана на девять тысяч километров, — проходит через судьбу Тары красной нитью. На тракт, словно бусины, нанизаны важнейшие города: Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург. Далее тракт шел через Сибирь, являясь основным путем, связывающим Зауралье с Европейской Россией.

С середины 1730-х гг. по приказу Анны Иоанновны началось строительство дороги из Тобольска в Тару. Приближенные императрицы считали подобную идею неразумной. Это было связано с тем, что дорога строилась не по кратчайшему пути вдоль Иртыша, а через тайгу и труднопроходимые топи.

Многие исследователи до сего дня задаются вопросом, почему Анна Иоанновна приняла решение строить дорогу именно этим путем. Возможно, императрица стремилась вернуть бунташной Таре прежнее значение, демонстрируя тем самым, что она готова принимать иные решения, нежели ее предшественники.

В 1735 г. было решено заселить Аевский волок. Добровольно обосновываться в болотистой местности никто не желал, тогда столичные власти решили заселить волок ссыльными. Возникла цепь поселений: Аевский Волок, Верхавка, Решетино, Становка, Форпост.

Окончательно участок Тобольск — Тара был обустроен в 1745 г., а через город проходил по одной из старейших улиц — Никольской, где в 1771—1774 гг. был возведен величественный Николаевский (Никольский) собор.

Общая высота храма составила двадцать пять метров, а на колокольне установили шесть колоколов, самый большой из которых весил свыше двух тонн.

Никольский собор

Это был красивейший храм Тары, один из наиболее значительных в Сибири, однако в 1938—1940 гг. собор был разобран на кирпичи, из которых затем построили здание педучилища. Из шести красивейших белокаменных храмов Тары уцелел лишь Спасский. И сейчас, когда в ясную погоду на Спасском кафедральном соборе звонит колокол, эхо множит его звон и кажется, будто колоколят все шесть храмов.

Уже в начале XIX в. четырехсотверстная дорога от Тобольска до Тары входила в разряд «главных почтовых дорог», как было указано на «Дорожной Карте Российской Империи». Путешествуя по тракту, в Таре побывал ученый Петер Симон Паллас, художник Знаменский.

Известны воспоминания Александра Николаевича Радищева, написанные им в 1791 г. по пути в илимскую ссылку: *«Подъезжая к Таре и по ту сторону Тары при въезде многих деревень стоят деревянные кресты. Город Тара стоит половина на пригорке, половина внизу, примкнув одним углом к Иртышу. В Таре промышляют кожевным мастерством, кузнечным. Торгуют салом в Петербург, на линию, с киргизами»*. Спустя шесть лет, в 1797 г., он метался по Таре в поисках лекаря для тяжелобольной супруги Елизаветы Васильевны, простудившейся на обратном пути из ссылки. Лекаря не нашел, помчался в Тобольск, но спасти супругу не смог. О такой Таре Радищев не писал никогда...

Как бы ни меняла история облик города, печать пристанища ссыльных и бунтовщиков неотступно преследовала Тару веками. В Тару были сосланы: видный деятель Северного тайного общества В. И. Штейнгель, революционер-народник, историк и этнограф С. П. Шевцов, народоволец В. П. Перовский, революционный агитатор В. С. Любатович и др.

Неспокойный город

Некоторые ссыльные активно участвовали в общественной жизни города (например, Перовский выступал против бесчинства полиции), однако в большинстве случаев скорее действия ссыльных угрожали безопасности горожан. Так, Карл Мокрицкий не являлся на церковные службы и вообще вел себя не-

подобавшим образом, агрессивно реагируя на любые попытки священнослужителей его вразумить, чем вызвал появление *«Дела об увещании бывшего палача Минского тюремного замка, ссыльного Тарской округи К. Мокрицкого об исполнении им Христианских обязанностей»*. Ярким примером может служить также рапорт, направленный 3 февраля 1912 г. уездным исправником по секретной части в адрес тобольского губернатора. Из текста рапорта явствует, какие нравы царили в городе той поры и каково было отношение к ссыльным.

25 января Тарским купцом Николаем Кирилловичем Машинским доставлено мне адресованное на его имя и полученное в тот же день по городской почте анонимное письмо, на конверте которого имеется отпечаток штемпеля почтовой конторы 24 января.

В письме этом неизвестное лицо предлагает Машинскому положить вечером 24-го января 300 рублей под левый угол крыльца его магазина, находящегося на Базарной площади. Хотя указанный в письме срок и истек, тем не менее мной было сделано распоряжение иметь строгое наблюдение за людьми, проходившими ногами мимо указанного магазина, но наблюдение это оказалось безрезультатным.

31 января тем же купцом Машинским было получено другое анонимное письмо, писанное одной и той же рукою, которым вновь предлагалось Машинскому положить ту же сумму на Зеленой улице у фонарного столба близ дома Лобанова с предупреждением, что если не будет этого выполнено, то он будет убит.

Я распорядился установить в указанную ночь засаду из переодетых городских полицейских служителей на предмет задержания злоумышленников, а Машинскому предложил часов в семь вечера проехать этой улицей и положить какой-либо точок на указанное в письме место. Машинским предложение мое было исполнено, но когда он положил в указанное место точок, то это заметила проходившая мимо женщина и сказала об этом живущему в соседстве еврею Зильберману. Последний поднял и разорвал этот точок, бросил его на то же место.

Таким образом, положенное было поднято не тем лицом, для которого предназначалось. В тот же вечер поставленный по Зеленой улице для наблюдения за проходившими подозрительными личностями городской полицейский служитель Лешков повстречал неизвестного человека, который, приблизившись к нему, спросил: «Кто такой?» Посторонившись от него, городской прошел мимо, но неизвестный ускорил шаг и вплотную подошел к городовому, тогда последний вынужден был оттолкнуть его от себя.

В этот момент появившаяся недалеко женщина крикнула неизвестному: «Бей, это полицейский!» Тогда мужчина подскочил к городовому и нанес ему ножом легкую рану в левый бок и, совершив это, скрылся, оставив на месте преступления шапку. При розысках вскоре был задержан в соседнем с местом происшествия доме Тарский помещик из ссыльных Константин Томашевский, которого Лешков признал за личность, нанесшую ему ранение. Обвиняемый задержан.

Донес о вышеизложенном, докладываю Вашему Превосходительству, что дознание по этому делу производится, нанесенная Лешкову рана не угрожает опасностью для жизни.

Подсчитано, что на рубеже XIX—XX вв. по Московско-Сибирскому тракту ежегодно проходило около ста тысяч подвод, проезжали десятки тысяч ямщиков. Столь внушительные цифры не удивляют, если учесть, что в обозначенное время из Сибири активно везли золото, пушнину, металлы, мед, воск и другие богатства Зауралья, китайские товары, а из центральных губерний в Сибирь следовали многие тысячи переселенцев. Часть из них прошла через Тару, повлияв на жизнь горожан.

Город богатейших купцов

Ставший крупной торговой площадкой город рос и креп. Позже, со строительством Транссибирской железной дороги Тара потеряла свое значение, но в XIX в. она считалась одним из ключевых городов Сибири. Стремительно богатели и становились миллионерами тарские купцы. Фамилии Немчинова, Нерпина, Пятковых, Айтыкиных звучали повсеместно. На средства купцов строились храмы и школы, назначались стипендии учителям. Пароходовладелец Александр Федорович Коншин открыл в Таре частную школу, которую так и называли — «коншинская».

Знаменита своей благотворительной деятельностью фамилия Нерпиных. На средства этой семьи в Таре было построено три церкви. В 1812 г. Иван Федорович Нерпин внес самый большой в Сибири денежный вклад в войну с наполеоновской Францией, за что был награжден памятной медалью на Аннинской ленте. В Таре сохранился белокаменный дом, построенный им в 1796 г. Это первое частное каменное строение на территории современной Омской области было куплено Я. А. Немчиновым для дочери, Елизаветы Яковлевны Пятковой, у наследников Нерпина. После смерти мужа Елизавета Яковлевна отдала дом под городскую больницу. При этом Пяткова дала наказ «не размещать ни в доме, ни в иных постройках других учреждений, кроме больничных». Наказ соблюдается по сей день: здание занимает медицинский колледж.

Знаменита благотворительностью и семья Айтыкиных, перебравшаяся в Тару из Средней Азии. Их предок Нияс Айтыкин открыл короткий караванный путь от Омска до Коканда. Айтыкины вели торговлю в Кульдже, Кяхте, выполняли государственные заказы, и в 1862 г. им было присвоено звание почетных граждан города Тары. На средства купцов открыта школа для мусульманских детей. В Тюмени на деньги Айтыкиных были построены пароходы «Работник» и «Тара». Они курсировали по маршруту Тюмень — Тобольск — Тара — Павлодар, благодаря чему о купеческом семействе знали по всей Сибири. Говорят, что род Айтыкиных вел начало от Дина Али Ходжи из Ургенча, потомка бухарского суфия Саида Ата, обратившего в ислам властителя Золотой Орды Узбек-хана. Если верить исследователям, в родстве они и с пророком Мухаммедом, и с Чингисханом.

г. Тара. Городская больница.

Бывший дом Нерпина

Представитель купеческого рода Машинских, Николай Николаевич, ставший одним из учредителей Тарской городской общественной библиотеки, в 1894 г. был избран ответственным библиотекарем на общественных началах. Для одного из крупнейших купцов Сибири это было важно, ведь в то время считалось почетным служить городу, и купцы стремились исполнить свой долг, попутно, чего уж лукавить, войдя в историю города. Отчасти именно поэтому активно выделялись деньги на церкви, поддерживались городские учреждения: богатство и процветание города — всегда показатель того, какие люди в нем живут.

В 1871 г. городской староста Айтыкин настоял, чтобы в городе установили телеграф, мотивируя это тем, что местные купцы вели международную торговлю и телеграф им необходим. Первая телеграмма была отправлена 16 октября 1871 г.: *«Сего числа после молебства открыт телеграф. Об этом событии имею честь донести Вашему Высокопревосходительству. Городской староста Айтыкин»*.

В ногу с прогрессом предпринимательства шел и Яков Юльевич Рамм. Его метод взаимодействия с клиентами известен сейчас любым крупным торговым центром, где вперемежку с магазинчиками расположены уютные зоны для отдыха с креслами и столиками. Разомлевшие покупатели, отдохнув немного, наверняка захотят купить что-нибудь еще. Так же рассудил и Яков Рамм, хозяин магазина, где продавались ткани европейских фирм, фурнитура и галантерея. «Посидите, может, еще чего купите», — с такими словами обращались в лавке к покупателям, принося им стул, если те делали покупку более чем на 3 рубля. И ведь наверняка покупали.

Город и его подземелья

Не удивительно, что большая часть легенд Тары связана именно с купеческими особняками и их хозяевами. История и мистика здесь настолько переплетены, что порой не различить, где вымысел, а где реальность.

Так, например, долгое время считались легендарными подземные ходы, якобы уводящие прочь от купеческих домов. С годами подземелья Тары начали приоткрывать свои тайны. Один из подземных ходов обнаружили на территории Тарской центральной районной больницы, где когда-то располагались казенные винные склады.

Краеведу и журналисту Сергею Алферову удалось побеседовать с человеком, работавшим в больнице полвека назад. Электрик Владимир Козюра вспомнил, что в одном из подвальных помещений обнаружил лестницу, ведущую в еще один подвал, в котором оказалось несколько дверей. *«Одну из них нам пришлось открыть», — записал Алферов слова рассказчика. — Это оказался подземный ход, уходящий в сторону магазина № 17. Мы рискнули туда войти. Свечи от недостатка кислорода гасли. Взяли фонарики. Прошли пару сотен метров. Сгибаться не было нужды: сводчатые потолки, выложенные из кирпича, были выше роста человека. Когда дышать стало невыносимо тяжело, поспешили назад. Как только начальство узнало о подземном коридоре, его в течение нескольких дней засыпали»*.

Говорят, что на складах арендовавший их купец Щербаков хранил легкие вина и водку. Товар в основном местный, с винокуренного завода. Возможно, были и неучтенные партии алкоголя, для которых и предназначались подземные хранилища. На эти мысли наводит странное соседство фамилии Щербаковых и сведений о различных подземельях. Одно из таких обнаружили на месте, где прежде располагался дом купца А. И. Щербакова. Правда, власти поспешили

засыпать находку, прежде чем любопытные жители города пробрались в под-земелья, где могли задохнуться или покалечиться.

Другое подземелье находилось в трехэтажном немчиновском особняке, в подгорной части Тары. Там, на болотистом месте, возведение и двухэтажного дома было безрассудством, а уж три этажа и вовсе выстроить казалось невозможным. Существует легенда, что постройка дома стала результатом спора между Яковом Немчиновым и купцом Нерпиным, в результате которого не любивший проигрывать Немчинов пообещал выстроить трехэтажный особняк и обещание свое сдержал. Правда, жили купцы в разное время и никак не могли спорить о строительстве дома. Однако вне зависимости от причин, побудивших Якова Андреевича выбрать столь странное место для постройки, дом стоит до сих пор. Говорят, в его фундаменте — огромные лиственничные кряжи, а при строительстве были использованы самые передовые технологии того времени. На протяжении десятилетий «немчиновский дом» удивлял тарчан, особенно после того, как открыли вход в подземный тоннель с сухими стенами, хотя за долгие годы подземелье должно было заполниться водой и разрушиться. Современные строители признаются, что не имеют представления, как был сооружен подземный ход в болотистом месте, да еще с трехэтажной машиной над ним. Подобный инженерный проект и сегодня сложен, что уж говорить о временах Немчинова. Учитывая это, легенды о потайных ходах, имеющихся в стенах «немчиновского дома», толщина которых достигает четырех метров, не кажутся вымыслом. Как и рассказы о том, что особняк связан сетью подземелий с верхней частью города и противоположным берегом Иртыша.

Часть тоннелей, как только их обнаруживали, засыпали, закладывали кирпичом, иные ждут своего часа, чтобы открыться любопытствующим. Однако прежде их предстоит исследовать. Любители загадок уверяют, что в подземельях Тары может скрываться часть золота Колчака или ценности храмов Тобольской епархии.

Город талантливых и предприимчивых

Помимо немчиновского особняка, выделяется архитектурной мощью дом купца Константина Васильевича Балыкова, построенный в центре города из кирпича местного производства. Выходец из крестьянской семьи, переселившейся в Сибирь из Владимирской губернии, К. В. Балыков окончил приходскую школу, поступил на службу порученцем, затем приказчиком к купцу Н. К. Машинскому и с годами сам стал одним из богатейших купцов Тары. В первые годы XX в. являлся коммерческим агентом мануфактурного товарищества «Саввы Морозова сын и К°», был директором городского общественного банка, организовал Общество взаимного кредита.

Славился своим состоянием и В. И. Серебrenников, правда, зачастую богатство Серебrenникова объясняют удачной женитьбой на сестре Якова Андреевича Немчинова, крупнейшего золотопромышленника и чаоторговца Сибири.

Ходит легенда, что Серебrenников всегда мечтал стать пароходоладельцем, но у него долго не получалось купить пароход. Более удачливые купцы посоветовали не экономить на благотворительности. Дескать, Господь видит тех, кто скуп в благих делах, вот и не дает разбогатеть. Стоило Серебrenникову расширить благотворительную деятельность, как удача ему улыбнулась: с помощью Я. А. Немчинова в 1860-х гг. он приобрел пароход «Ольга», мужа всех его дочерей также стали впоследствии пароходоладельцами.

Дом купца Балыкова

Другой купец, Яков Васильевич Орлов, начинавший приказчиком у купцов Волковых, впоследствии приобрел у них дом, когда Волковы перебрались в Омск. Вскоре Орлов владел уже несколькими магазинами. Возле крыльца его дома стояло чучело медведя, и Орлов частенько рассказывал гостям, как самолично застрелил медведя на охоте. В советское и постсоветское время, когда ночами в музее дежурили сторожа, мерещилось всякое. Сторожа рассказывали, будто по комнатам ночью бродила фигура пожилого человека в костюме. Человек подходил к выставочным витринам, рассматривал экспонаты. Все как один уверяли, что это не кто иной, как Яков Орлов. Говорят и о странностях, связанных с чучелом медведя. Якобы стоит вечером встать спиной к медведю — и можно услышать, как цокают когти, словно хищник ступает по полу. Обернетесь — медведь на месте, все так же держит лапы, готовый принять пальто гостя...

Не миновала предприимчивость тарчан и сферу развлечений. Знали о тяге людей к зрелищам Леонид Александрович Корилов-Михайлов и его супруга Александра Николаевна. Во дворе своей усадьбы они построили одноэтажное холодное помещение под синематограф «Люкс», где горожане смотрели немые фильмы, сопровождавшиеся игрой на фортепьяно. Кстати, в кинотеатрах того времени в Таре можно было заплатить половину стоимости билета и посмотреть фильм с обратной стороны экрана.

* * *

С течением лет город обрастает легендами. Каждый купеческий дом из тех, что выстроились в ряд вдоль Московско-Сибирского тракта, хранит свои тайны, о которых можно рассказывать часами. Каждый год в более чем четырехвековой истории Тары богат на события: визит в Тару цесаревича, будущего императора Николая II, партизанское движение Артема Избышева, эвакуация в Тару Второй Ленинградской военно-морской спецшколы и многое, многое другое... Всего не перечесать.

Четыре века бурной и яркой истории пролетели как один миг. Еще вчера Андрей Елецкий собирался «идти город ставить вверх Иртыша на Тару-реку», и вот уже гремят по трассе Тара — Омск большегрузы с местным лесом. Сама история здесь, в сибирской глубинке, видится иначе. Тягучее и сладкое, как мед, время, которое пробуешь на вкус понемногу, по крупицам, по эпизодам, по датам...